

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1116-1123
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1116
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Catholic Missionaries, Armenian Communities and the Austrian Ambassador: Political and Diplomatic Communication in the Religious Conflict in South of the Russian Empire, 1755–1760

Andrey S. Ryazhev^{a, *}

^a Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article mainly concentrates on the state religious policy during the final period of the Empress Elizaveta Petrovna's reign. The role of the Board of Foreign Affairs in the solution of the conflict between Austrian Capuchin missionaries and Armenian Gregorian community in the towns in the south of the Russian Empire, complicated by the intervention of the Austrian Ambassador N. Esterházy, is studied for the first time in historiography. The proposed research bases on little-known materials of the collegiate investigation of the conflict. Taking into account the information extracted from sources, the article reconstructs the conflict situation and traces the political and diplomatic communication, in which the Foreign Board was the organizer and the most important actor. Most attention is paid to the characteristics of the interaction of the collegium with other actors, and communicative features are revealed in each specific case. It is shown the inclusion in the communicative toolkit of language and concepts that reflect the trend of religious tolerance in Russian domestic politics. The author states in conclusion the flexibility and variability of communication built by the diplomatic department at different levels, the reflection in it of the ethno-religious processes inherent in the development of the Russian outlying territories of the early modern period, the mastering of the discourse of religious tolerance by Russian diplomacy on the eve of the aggravation of the “dissident issue” in Rzeczpospolita Polska (the Polish-Lithuanian Commonwealth).

Keywords: the Russian Empire, early Modern Times, Empress Elizaveta Petrovna, religious policy, political and diplomatic communication, actors of communication, the Board of Foreign Affairs, Ambassador Count Miklós/Nicolas Esterházy, Catholic Missionaries – capuchins, Armenian community in Russia.

1. Введение

Российская вероисповедная политика – актуальный вопрос историографии истории раннего Нового времени (Ряжев, 2004: 143), важным аспектом которого выступает регулирование межконфессиональных отношений, особенно напряженных. Отсюда вызывает интерес роль государственных органов в разрешении крупного религиозного конфликта середины XVIII в., вызванного активностью миссионеров-католиков на южных окраинах страны.

Очагом турбулентности стала Астрахань, где австрийские капуцины и созданный ими армяно-католический приход вошли в противостояние с властями и армяно-григорианской общиной. Противоречия назревали с 1720-х гг., через тридцать же лет борьба за паству приобрела здесь открытую форму, дав себя знать также в Кизляре и Моздоке. Капуцинов патронировал посол державы Габсбургов при российском дворе граф Н. Эстергази (Miklós/Nicolas Esterházy). Кроме того, миссионеры получали помощь своего ордена, структуры которого издавна закрепились в Персии и Закавказье.

Участие иноземцев и австрийской дипломатии вывело на первый план событий российскую Коллегию иностранных дел, перед которой возникли две задачи: во-первых, следовало снять дипломатическое давление, не допуская удара по престижу российской короны и господствовавшей

* Corresponding author

E-mail address: riazhev@yandex.ru (A.S. Ryazhev)

греко-российской (православной) церкви, с одной стороны, и без ущерба для отношений с Австрийской монархией – главным союзником в европейских делах и Семилетней войне, с другой. Во-вторых, требовалось урегулировать собственно конфликт, вышедший из-под контроля на низовом уровне.

В этой связи дипломатическому ведомству пришлось искать общий язык с участниками раздора вовне и внутри: миссионерами, армяно-григорианскими клириками, их паствой, в том числе органами городского самоуправления армян, австрийским послом, астраханскими учреждениями и губернатором. Не позволяла о себе забыть и Церковь. Направление и мера воздействия, трансляция позиции верховной власти с должными силой и тональностью, учет деликатной материи дела – таково содержание коммуникации, выстроенной коллегией и обусловившей особенности диалога в каждом варианте.

2. Материалы и методы

Основную роль в изучении названных вероисповедных трений играет документация, собранная Коллегией иностранных дел и хранящаяся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758); Д. 1 (1759–1761); Д. 1 (1760); Д. 1 (1762)). Прежде всего речь идет о материалах расследования конфликта коллегией. Далее – переписка дипломатического ведомства с астраханскими учреждениями, губернатором и австрийским послом о капуцинах и результатах разбирательства в Астрахани, Кизляре, Моздоке. Наконец, указы Святейшего синода в коллегию, посвященные тяжбе капуцинов и армяно-григорианского епископа. Бумаги датированы второй половиной 50-х – началом 60-х гг. XVIII в. Они характеризуют причины и развитие конфессиональных споров с 1755 г., логику поведения сторон и администрации, влияние на них «австрийской системы» – ориентации на австрийский двор, господствовавшей в российской дипломатии, в связи с чем значение выявленных источников для анализа коммуникации трудно переоценить.

Методология исследования определена структурно-функциональным подходом к системе государственных органов России, задействованных тогда в окраинной политике. Отсюда оптимальным представляется сочетание методов реконструкции и историко-типологического. Реконструкция социальной ситуации, встававшей за текстами документов, дает возможность затем посредством типологизации вскрыть коммуникативные стратегии, пускавшиеся в ход акторами конфликта и, кроме того, оценить эффективность коллежской коммуникации, применявшейся в отношении борющихся сторон. Критерий типологии – административная и/или религиозная принадлежность (центральная, местная, католическая, армянская, греко-российская).

3. Обсуждение

Астраханский вероисповедный конфликт в дореволюционной литературе затрагивался с позиции истории права (Кузнецов, 1898: 75-93) и истории Церкви (Саввинский, 1900: 30-38). Вопрос о связи армян Астрахани с национальным движением той эпохи поднимала армянская литература кануна Первой мировой войны (Հովհաննիսյան, 2016). Деятельность миссионеров на окраинах России подвергалась официально-монархической критике (Толстой, 1876: 173-179). Историография XX в. имеет свой актив: анализ социального устройства астраханской армянской общины, проявившегося в конфликте с капуцинами (Хачатурян, 1963, 1965; Куканова, 1977; Юхт, 1979). Выводы о правовом статусе и важности общины в восточной торговле разделяют и современные авторы (Зурначян, 2014: 85-86; Kazarov, 2020: 400-401). Астраханский эпизод получил трактовку также в плане европеизации России в Новое время, развития в ней европейского христианства (Андреев, 2010: 8-9).

Внимание к жизни исповеданий в поликонфессиональных и этнически неоднородных окраинных городах Российской империи делает востребованным фронтальные исследования. Подобные исторические условия охвачены в них понятием городского фронта, актуализированным одноименным изданием («Фронтири міста: історико-культурологічний альманах», г. Днепр/Дніпро, выход с 2012 г., главный редактор В.В. Грибовский/Грибовський). Они же отражены в публикациях о типологически близких процессах городской жизни юга Российской империи и относящихся к XVIII в. (Кривошея, Кривошея, 2019: 86-88, 92-94) и более поздних (Константинова, 2011: 41-64).

Состав участников рассматриваемых астраханских событий отчасти совпадает с перечнем акторов модернизации на российской периферии, присутствующим в трудах о юго-восточных окраинах. Так, в нем фигурируют государство, Церковь, их учреждения, иностранные специалисты, городское самоуправление. С позиции акторного подхода заявлены и тезисы о диффузности европейских влияний, конгломерантности общества в очагах опережающей отечественной европеизации и усложнении их развития (Акторы..., 2016: 24-26, 80-81). В целом обозначенные обстоятельства получили трактовку в рамках концепции фронтальной модернизации, ориентированной на охват ведущих тенденций социального прогресса на юго-востоке России в XVIII–XIX вв. (Побережников, 2018: 74-76). К этому стоит добавить, что роль миссионеров-европейцев как акторов глобальной модернизации давно признана, и роль капуцинов, оседавших на Среднем Востоке и по сторонам Большого Кавказского хребта, отнюдь не исключение (A Chronicle of the Carmelites, 1939: 559, 602, 887; Windler, 2018: 11-25, 193-481).

4. Результаты

Коммуникация Коллегии иностранных дел с участниками конфликта имела как свои поводы, так и свои особенности. Сюжеты, ставшие первичной ее основой применительно к капуцинам, изложены в указе Святейшего синода от 30 марта 1756 г. – наиболее раннем официальном документе, возникшем в ходе столичного расследования инцидентов между армянами и капуцинами.

В фокусе первого события был купец католик Кайхосров Бабежанов, «тифлисский житель», ведший дела в Астрахани, и его дети. После смерти купца армяно-григориане оспорили законность крещения в католичество его сына. Третейский судья – православный архимандрит (позже астраханский владыка) Мефодий подтвердил правоту патеров. Но, как настаивали те, армяне не отступили и насильно крестили другого сына, которого покойный отец также видел католиком, по своему обряду (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 7). Второе происшествие затронуло судьбу католички Елизаветы Айвазовой. Ее, жаловались капуцины, грубо принудили к браку с армянином и (при попустительстве светских органов и опять-таки против воли) – обвенчали «по армянскому закону» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 11).

Монахи сочли казусы возмутительными и потребовали наказать виновных. В свое время астраханский губернатор А.П. Волынский покровительствовал миссионерам. Сановник считал их полезными для судеб просвещения в крае, возлагая надежды на постепенную, диффузную европеизацию, носителей которой он искал и в капуцинах (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 19; Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 2 (1760). Л. 37, 55-55 об.; Толстой, 1876: 173). Традиция приобрела живучесть: преемники губернатора редко отступали от нее. Однако в конфликте с армянами «эффект Волынского» себя исчерпал: новый глава губернии А.С. Жилин, как выяснилось, не собирался протезировать католиков.

Позже капуцины доказывали: из-за негативизма местных властей они не могли участвовать в расследовании на равных. Так, подчеркивали они, допросы свидетелей в Астраханской губернской канцелярии проводились только с переводчиком от армяно-григориан, но не от католиков (того к процедуре не допустили). Кроме того, должностные лица игнорировали свидетелей, выдвинутых католиками. По этим причинам последние и настояли на переносе разбирательства в 1755 г. из губернии в Святейший синод и Иностранную коллегию.

Названным выше случаям миссионеры придавали знаковый характер. В делопроизводстве коллегии сохранились представленные капуцинами перечни обид, которые они претерпели в Астрахани. Один из списков фиксировал нападки армян, второй – прегрешения местной администрации, и оба начинались со споров о детях купца Бабежанова и допуске переводчиков в губернское присутствие (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 7-11, 36-47об.).

В столице на допросах и в переписке патеры заявляли, что стали заложниками сговора армяно-григориан с губернским начальством. Но, стремясь предстать в качестве невинно пострадавших, поверенные капуцинов не выбирали средств в отношении противников, возводя на них и политические наветы. Священный трепет в общении с высшими российскими учреждениями им был тоже чужд: капуцины требовали фиксировать итоги этапов следствия и выдавать бумаги для ознакомления сообразно с европейским порядком. Не стеснялись они напоминать и об австрийской поддержке, чем весьма озадачили Святейший синод: для него дипломатическая материя оказывалась посторонней, а коммуникация на равных вне властной системы – немыслимой. Что касается коллегии, то она в 1755–1756 гг. вела себя с миссионерами уступчиво, стараясь лишь охладить страсти. Ничего другого не оставалось: «австрийская система» не давала маневрировать (Толстой, 1876: 176-178; Кузнецов, 1898: 79-87). К тому же правовая база государства по части отношений между иноверными тогда практически отсутствовала, что в астраханском деле было отмечено не раз (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 11; Д. 1 (1759–1761). Л. 95).

Изменить переговорную ситуацию помог случай: донос армяно-григорианской стороны о переводе миссионерами в католичество православных российских подданных. Коллегия отреагировала немедленно: «Сие в превращении и крещении в свою веру российской природы подданных, яко государственное дело, от их партикулярной споры отличность имеет, то и надлежит по такому доносу без отлагательства с них ответ взять...», – значит в протоколе допроса поверенных от астраханской миссии, датированном 23 января 1757 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 77об.).

Давление подействовало на миссионеров обескураживающе. Пытаясь найти сочувствие у вице-канцлера М.И. Воронцова, капуцин Ф.-М. Агроно обратился к нему с посланием от 30 апреля 1757 г. и приложил письмо собрата по ордену, снабдив текст припиской: «Сие переведено с латинского писма патера товарища моего от 24-го апреля, которое я недавно получил из Астрахани». Монах сообщал: «...Во-первых, должен я Вам объявить, что в Санктпетербурге во всех судебных местах Вас обманывают... Еще слышал я, что Иностранная и Военная коллегии издали противу нас в пользу армян указы, кои здешней губернатор тайно содержит, и оные никому, кроме соперников наших, от которых мы много всево слышим, не показывает; дай Б(о)же, чтоб то неправда была, ибо в прочем все наше малое стадо погибнет... Повер[ь]те мне, что я с печали почти ума лишился, ибо каждой день происходят здесь новые конфузии, и для того мы праздник Пасхи более со слезами, нежели с радостью, праздновали...

Соперники наши похваляются именем губернаторским, что он не токмо все бедное стадо наше, но сошлет и нас всех на галеры» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 108-108об., 109об.).

Отправка письма М.И. Воронцову отражала старую тактику – представлять в качестве незащитной жертвы, близкой к отчаянию. Однако перемена участи – превращение из обвинителей в обвиняемых – капуцинов, присутствовавших в столице, страшила все более. Один из них, Ф. Сотер, вскоре покинул страну. Осенью 1757 г. выслали и второго, Ф.-М. Агроно, впредь закрыв обоим въезд в Россию. Столичное же следствие по решению коллегии прекратили, дабы не давать хода прозвучавшим армянским обвинениям, не трогать других капуцинов и не портить отношения с австрийской короной (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 71-71об., 115, 138).

Корректно коллегия отнеслась и к армянской стороне конфликта – клирикам, общине, ратхаусу Астрахани. Если в случае с капуцинами довлела «австрийская система», то теперь коллегии предстояло взять в соображение экономические потенции армянского купечества города и региона. Оно состояло и из российских подданных, и из иноземцев, имело связи от Европы до Индии, держало в руках многие нити восточной торговли России, и коллегия понимала, почему губернатор высказывался в его пользу.

У армян нашлись свои знаковые случаи, о которых дипломатическое ведомство получало извещения не однажды. Они отражены в переписке 1759–1760 гг., но имели место раньше и также послужили искрами конфликта.

В частности, из экстракта материалов следствия, приложенного к «доношению» Астраханской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 29 февраля 1760 г., вытекает: в тяжелой истории тамошних межармянских отношений армянский епископ Стефан придавал особое значение случаю с замужеством горожанки Екатерины Васильевой. Дочь католички, рожденной в исламе, и армянина-григорианина, она рано осиротела и была переведена в православие, хотя осталась в католическом приходе. Позже женщина вышла замуж за католика, и ее сына, рожденного в данном браке, крестили по католическому обряду. Стефан счел это покушением на его паству и потребовал у российских чиновников принять меры во избежание таких поползновений (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 98-144).

Губернская канцелярия, получив претензии, предписала перевести ребенка в православие. Стефана решение не устроило, ибо сохранялось католическое исповедание Е. Васильевой. Недовольство выразили и капуцины, усмотрев в случившемся очередной антикатолический компромисс губернии с армянами (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 102-102об.).

О другом болезненном для армян эпизоде сказано в записке Публичной экспедиции коллегии от 22 марта 1759 г. Житель Тифлиса, обосновавшийся в Астрахани, армянин-католик Мелкум Назаров Читаянц некогда обнаружил завещание. По нему купец полагал жертвовать «в астраханскую католическую церковь» 700 рублей. В 1757 г. он умер, не подписав завещания. Наследники Читаянца – его сыновья – обязательство отца в отношении прихода сначала признали и в счет суммы выдали несколько векселей. Но затем они добились возврата бумаг, а вскоре объявили завещание недействительным. Благо братьев – армяно-григориан – было благом общины (деньги не уходили из нее), поэтому ратхаус и клир поддержали наследников. Так же поступил и губернатор. Более того, он отменил обязательства по завещанию в пользу капуцинов, что весьма их разозлило и дало им повод для очередного тура разбирательства (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 2-6). Коллегии оставалось участливо принимать негодование армяно-григориан и искать возможности для примирения на месте.

Приняв к сведению связь губернских властей с армянской средой Астрахани, дипломатическое ведомство в дальнейшей коммуникации на властях и сосредоточилось, верно отмечая именно их субъективность в принятии конечных решений (удалив миссионеров из Петербурга и остановив свое следствие, коллегия свернула с армянами контакты, передав их Святейшему синоду).

Коллегия прежде всего обозначила главный, по ее мнению, промах губернского звена. В черновике указа в Астраханскую канцелярию, составленном, судя по тексту, после 22 октября 1757 г., то есть спустя месяц после решения о высылке патера Ф.-М. Агроно, в этой связи говорилось: если в городах юга было решено поднять обвинения армян против «всех состоящих в римском законе», то следствие надлежало организовать как общую проверку неправославных, и «уже из того следствия и армене, и прочия иноверцы выключены быть не должны, ибо ежели в Астрахани и в Кизляре о том следование производиться толко о содержащих римскую веру, то оные и в самом деле не иначе как за утеснение оное почесть могут» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 188-190об.). Коллегия тем самым находила, что в губернии дали повод австрийской стороне обвинить Россию в нарушении равенства «законов» и веротерпимости.

Вопрос имел чувствительность для монархии, наметившей поворот к веротерпимости. Еще большую чувствительность он приобрел для амбиций Елизаветы Петровны, причем как раз в австрийском контексте. В конце 1740-х гг. российская дипломатия по настоянию императрицы выступала в защиту сербов. Венский двор отказался тогда принять посредничество (Соловьев, 1993: 53-55; Пора, 2016: 1099, 1100), да сербы и не нуждались в защите (Костяшов, 2015: 89-91). Но ныне, полагала коллегия, из-за местных властей возникало основание, на котором австрийцы могут вернуть упрек.

Дипломатический аспект астраханского дела коллегия подчеркнула указом губернатору А.С. Жилину от 28 февраля 1758 г., в котором отмечалось: «Чрезвычайный посол господин граф Эстергази представлял... о непрестанно происходящих (производимых. – Авт.) в Астрахане римско-католическими и армянскими духовными персонами, по причине религии, раздорах и несогласиях...», – в силу чего администратору предписывалось принять срочные меры, «чтоб таковые ссоры ими (враждующими группами. – Авт.) вовсе пресечены» были и огласка их снизилась (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751–1758). Л. 171).

К анализу шагов губернатора коллегия возвращалась и во внутреннем документе – записке от 30 апреля 1759 г. В ней также констатировалось, что сановник нарушил правовой порядок – поддерживал армян «сверх указа» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 28). В плане же коммуникации с региональными инстанциями весьма показательным явился указ в Астраханскую губернскую канцелярию от 24 июня 1759 г. В нем подчеркивалось: «...По обстоятельству сего дела тех обоих законов духовные почти равное участие имеют», – и в равной степени не без греха. Между тем местное следствие приняло позицию лишь одной стороны и наделало ошибок, приведших к росту недоразумений. Ошибки в указе перечислены подробно: здесь и привлечение к допросам только переводчиков – армяно-григориан, и пренебрежение свидетелями католической стороны, и промедление с выдачей капуцинам паспортов для поездок, и, разумеется, невзыскание денег по векселям, которыми в свое время расплатились с капуцинами Читах и Каспар, дети покойного Мелкума Читанянца. Иными словами, коллегия признала, что у капуцинов имелись резоны выражать недовольство поступками губернских органов, и потребовала соблюдать нейтралитет. В продолжение темы она внушала: следствие на юге вообще затеяли напрасно, ибо споры между общинами надо улаживать «чрез тамошнего полиц-мейстера или чрез их собственных попов» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 36-47об.).

Коллегия, впрочем, не держалась менторского тона в отношении местных властей. Свое вхождение в дело она откровенно объясняла видами «австрийской системы». Дразги иноверцев, говорилось в указе, мало касаются коллегии, «однако ж оная Астраханской губернской канцелярии в том справедливость рекомендует не по иному какому случаю, но единственно в рассуждении чинимаго от римско-императорского посла за капуцинов заступления» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 47).

Советы не прозвучали втуне: в канцелярии почли за лучшее прекратить разбирательство и впредь подобных жалоб не принимать, ограничиваясь лишь дознаниями исподволь. Коллегия была извещена об этом «доношением» от 29 февраля 1760 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 90-97).

Самым сложным и неудобным актором коммуникации для коллегии выступала, естественно, австрийская дипломатия. Итогом ее вмешательства, долго не встречавшего возражений, стала промемория «римско-императорского и королевина посла» Н. Эстергази от 9 мая (28 апреля) 1759 г., включавшая также вопрос о строительстве католических храмов в местах пребывания миссионеров на юге (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 17-18).

Творец «австрийской системы», бывший канцлер А.П. Бестужев-Рюмин, в то время находился в опале, а его преемник М.И. Воронцов к удовольствию Елизаветы Петровны напомнил австрийской стороне австрийскую же отповедь девятилетней давности. Нужная нота готовилась быстро: 1/ 12 мая посол получил ее на конференции у канцлера. Документ подчеркивал: в условиях царящей в стране веротерпимости сетования капуцинов на притеснения «неосновательны». «...В Российской империи, – гласила нота, – издревле дозволенные о свободном содержании каждой веры свободы всегда ненарушимы в своей силе остаются, но все помянутые между ними, духовными, несогласия и ссоры происходят от того толко, что каждый из них старается приезжающих из-за границы уловить в свой закон, а будучи оное Высочайшими Ея Императорского Величества указами запрещено, те духовные отваживаются то исполнять скромно», тайком, а «когда с противной между ими стороны оное сведается, тогда вступают они друг на друга в доносы» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 30).

Однако и М.И. Воронцов, и сама императрица, проявляя в сфере дипломатии осторожность, не склонялись целиком подрывать бестужевскую конструкцию, а потому констатацию в духе «австрийской системы» нота включала: в России внимательно относятся к капуцинам, и так «поступлено... единственно в рассуждении римско-императорского двора». Канцлер просил австрийского посла выразить ответное уважение: довести до патеров, чтобы они не вступали в вероисповедные вопросы, «а оставили б то чинить здешнему... духовенству» (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 32об.).

В аналогичном плане строилось донесение Коллегии иностранных дел в Синод от 24 июня 1759 г., и Синод указом от 29 июля 1759 г. принял позицию дипломатов (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759–1761). Л. 34, 50-51).

После майской ноты и июньского указа коллегия сочла конфликт снятым. Переговоры 1760–1762 гг. с Н. Эстергази вращались, несмотря на широту проблематики и осведомленность о них Елизаветы Петровны, а затем и Петра III, в основном вокруг постройки каменных церквей для миссионеров. Во всяком случае соответствующий коллежский документ – «Экстракт о римских

церквах в Астрахани и Нежине», составленный в 1761 г. и обновленный 9 февраля 1762 г., – в качестве финальной бумаги по капуцино-армянскому делу называет ноту от 1 мая 1759 г. (АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1762). Л. 17-22; Д. 2 (1760). Л. 55-59). Таким образом, тема южного вероисповедного конфликта в исследуемой коммуникации была исчерпана.

5. Заключение

Содержание коммуникации дипломатического ведомства в процессе астраханского урегулирования убеждает в ее гибкости, вариативности в отношении прочих акторов. Воссозданная по документам ситуация конфликта показывает неоднозначность (меж)конфессиональных отношений в Астрахани – крупном городе на окраине государства с религиозно и этнически неоднородным населением. История Е. Васильевой и ее супруга, пестрых в исповедном плане, весьма показательна. Именно подобная неоднозначность и определила знаковые моменты конфликта. Она же предредила неудачный результат губернских попыток избавиться от вероисповедных затруднений: сказались слабость законодательства об иноверцах, отсутствие прецедентов, коммуникативная ограниченность.

Опыт типологизации делает понятными стратегии коммуникации сторон, которые они так или иначе навязывали коллегии: судебный порядок у капуцинов и сделка с властями у армян (хотя и капуцины не чурались сделки). В рамках стратегий стороны шли на конкретные меры, к ним подключались другие участники конфликта. В этой связи коммуникация Коллегии иностранных дел была вполне эффективной. Удалось отстоять свои наполнение и организующую акторную роль в коммуникативной повестке: достижение, оказавшееся не по силам губернии и Церкви. Удалось снять и конфликт, дав акторам, прежде всего на местах, алгоритм неантагонистического сосуществования в сфере религиозных контактов. Важно, что результат не сопрягался с дипломатической неудачей, чего и хотела верховная власть.

Возникшая в коммуникации тема веротерпимости отразила заметный аспект поворота монархии к соответствующей политике, именно к формированию языка и идейного строя веротерпимости. Освоение российской дипломатией должного дискурса, трансляция его вовне работали на европейский образ монархии. При Екатерине II они способствовали политико-идеологической оснастке монарших решений по «диссидентскому вопросу» в Речи Посполитой.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Литература

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
- Акторы..., 2016 – Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 316 с.
- Андреев, 2010 – Андреев А.Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2010. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. Вып. 15. № 28 (204). С. 6-11.
- Зурначян, 2014 – Зурначян А.С. Судебник Астраханских армян 1765 года как источник местного права Российской империи XVIII–XIX вв. // *Местное право*. 2014. № 1. С. 85-96.
- Константинова, 2011 – Константинова В.М. Соціокультурні аспекти урбанізаційних процесів на Півдні України (друга половина XIX – початок XX століття). Запоріжжя, 2011. 100 с.
- Костяшов, 2015 – Костяшов Ю.В. Сербы глазами русских в конце XVII – XIX веке // *Слово.ру: Балтийский акцент*. 2015. Т. 6. № 2–3. С. 87-96.
- Кривошея, Кривошея, 2019 – Кривошея І.І., Кривошея Ір.І. «Місто на кордоні»: Умань – урбанізований простір міжетнічного компромісу (взаємодії) чи конфлікту? (1616–2018 рр.) // *Русин*. 2019. № 55. С. 84-112.
- Кузнецов, 1898 – Кузнецов Н.Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии // *Временник Демидовского юридического лицея*. 1898. Кн. 75. С. 65-104.
- Куканова, 1977 – Куканова Н.Г. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – первой половине XIX в. (по материалам русских архивов). Саранск, 1977. 286 с.
- Побережников, 2018 – Побережников И.В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61). С. 72-80.
- Ряжев, 2004 – Ряжев А.С. Неизвестные проекты русского «просвещенного абсолютизма» по делам религии // *Отечественная история*. 2004. № 2. С. 143-155.
- Саввинский, 1900 – Саввинский И. Армяне в Астраханской епархии и отношение к ним местных архипастырей в XVIII в. Астрахань, 1900. 106 с.

Соловьев, 1993 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 23 // Сочинения. В 18 кн. Книга XII. М., 1993. С. 8-291.

Толстой, 1876 – Толстой Д.А. Римский католицизм в России: историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого. Т. 1. СПб., 1876. VIII, 538 с.

Хачатурян, 1963 – Хачатурян В.А. Административно-правовое положение астраханских армян во второй половине XVIII века // *Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки*. 1963. № 12. С. 57-68.

Хачатурян, 1965 – Хачатурян В.А. Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII века // *Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки*. 1965. С. 77-87.

Юхт, 1979 – Юхт А.И. Социальная борьба в Астраханской армянской колонии (середина XVIII в.) // *Вестник общественных наук*. 1979. № 6. С. 69-80.

A Chronicle of the Carmelites, 1939 – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVIIth and the XVIIIth Centuries. London, 1939. Vol. I. XXXII, 720 p. Vol. II. Pp. 721-1376.

Kazarov, 2020 – Kazarov S. Nahichevan-on-Don: Armenian merchants and their role in the commercial development of the Azov – Black Sea region // Between grain and oil from the Azov to the Caucasus: the port-cities of the eastern coast of the Black Sea, late 18th – early 20th century. (Black Sea History Working Papers. Vol. 3). Rethymnon, 2020. P. 399–427.

Попа, 2016 – Попа С.И. Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764) // *Bylye Gody*. 2016. Т. 42. № 4. Pp. 1094–1109.

Windler, 2018 – Windler C. Missionare in Persien: Kulturelle Diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert). Köln; Weimar; Wien, 2018, 764 p.

Հովհաննիսյան, 2016 – Հովհաննիսյան, Առնո. Գրայել Օրին և հայ ազատագրական գաղափարը [Иоаннисян А.Г. Израэл Ори и армянская освободительная идея]. Երևան [Ереван], 2016. 760 с. (на армянском яз.).

References

A Chronicle of the Carmelites, 1939 – A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVIIth and the XVIIIth Centuries. London, 1939. Vol. I. XXXII, 720 p. Vol. II. Pp. 721-1376.

Actory..., 2016 – Actory rossiiskoi imperiskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie. [Actors of Russian Imperial Modernization (from the 18th century through the beginning of the 20th century): regional dimension]. Ekaterinburg, 2016. 316 p. [in Russian]

Andreev, 2010 – Andreev, A.N. (2010). Rossiiskie “inorodtsy” v XVIII veke i zapadno-hristianskoe vliyanie. [Russian “foreigners” in the 18th century and Western Christian influence]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Social'no-gumanitarnye nauki”*. 15. № 28 (204): 6-11. [in Russian]

AVPRI – Arhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire].

Kazarov, 2020 – Kazarov, S. (2020). Nahichevan-on-Don: Armenian merchants and their role in the commercial development of the Azov – Black Sea region. Between grain and oil from the Azov to the Caucasus: the port-cities of the eastern coast of the Black Sea, late 18th – early 20th century. (Black Sea History Working Papers. Vol. 3). Rethymnon. Pp. 399-427.

Khachaturyan, 1963 – Khachaturyan, V.A. (1963). Administrativno-pravovoe polozhenie astrahanskikh armyan vo vtoroi polovine XVIII veka. [Administrative and legal status of the Astrakhan Armenians in the second half of the 18th century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennye nauki*. 12: 57-68. [in Russian]

Khachaturyan, 1965 – Khachaturyan V.A. (1965). Naselenie armyanskoi kolonii v Astrahani vo vtoroi polovine XVIII veka. [The population of the Armenian colony in Astrakhan in the second half of the 18th century]. *Izvestiya Akademii Nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennye nauki*. 7: 77-87. [in Russian]

Konstantinova, 2011 – Konstantinova, V.M. (2011). Sotsiokul'turni aspekti urbanizaciinih protsesiv na Pivdni Ukrainy (druga polovina XIX – pochatok XX stolittya). [Socio-cultural aspects of urbanization processes in the South of Ukraine (the second half of the 19th century through the beginning of the 20th century)]. *Zaporizhzhya*. 100 p. [in Ukrainian]

Kostyashov, 2015 – Kostyashov, Yu.V. (2015). Serby glazami russkih v kontse XVII – XIX veke. [Serbs as seen Russians in the late 17th – 19th century]. *Slovo.ru: Baltiiskii aktsent*. 6(2–3): 87-96. [in Russian]

Kryvosheya, Kryvosheya, 2011 – Kryvosheya, I.I., Kryvosheya, Ir.I. (2019). “Misto na kordoni”: Uman' – urbanizovaniy prostir mizhetnichnogo kompromisu (vzaemodii) chy konfliktu? (1616–2018 rr.) [“City on the border”: Uman as an urbanized space of inter-ethnic compromise (interaction) or conflict? (1616–2018)]. *Rusin*. 55: 84-112. [in Ukrainian]

Kukanova, 1977 – Kukanova, N.G. (1977). Ocherki po istorii russko-iranskikh torgovykh otnoshenii v XVII – pervoi polovine XIX v. (po materialam russkih arhivov). [Essays on the history of Russian-Iranian trade relations in the 17th – the first half of the 19th century (based on materials from Russian archives)]. Saransk. 286 p. [in Russian]

Kuznetsov, 1898 — *Kuznetsov, N.D.* (1898). Upravlenie delami inostrannykh ispovedanii v Rossii v ego istoricheskom razviti. [The field of administration of Foreign Religions in Russia in its historical development]. *Vremennik Demidovskogo yuridicheskogo litseya*. 75: 65-104. [in Russian]

Poberezhnikov, 2018 — *Poberezhnikov, I.V.* (2018). Frontirnaya modernizatsiya na vostoке Rossiiskoi imperii: regional'nye variatsii [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 4(61): 72-80. [in Russian]

Popa, 2016 — *Popa, C.I.* (2016). Between Vienna and Moscow: the Protopope and the General Vicar Nicolae Pop Balomiri (c. 1700 to c. 1764). *Bylye Gody*. 42(4): 1094-1109.

Ryazhev, 2004 — *Ryazhev, A.S.* (2004). Neizvestnye proekty russkogo "prosveschionnogo absolutizma" po delam religii. [Unknown projects of Russian "Enlightened Absolutism" on religious affairs] *Otechestvennaya istoriya*. 2: 143-155. [in Russian]

Savvinskii, 1900 — *Savvinskii, I.* (1900). Armyane v Astrahanskoi eparhii i otnoshenie k nim mestnykh arhipastyrei v XVIII v. [Armenians in the Astrakhan Diocese and the Attitude of Local Archpastors in the 18th century]. *Astrahan'*, 106 p. [in Russian]

Solov'iov, 1993 — *Solov'iov, S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevneishih vremion. [History of Russia from Ancient Times]. Vol. 23. Sochineniya. V 18 kn. Kniga XII. Moscow. Pp. 8-291. [in Russian]

Tolstoy, 1876 — *Tolstoy, D.A.* (1876). Rimskii katolitsizm v Rossii: istoricheskoe issledovanie grafa Dmitriya A. Tolstogo [Roman Catholicism in Russia: a historical study of Count Dmitry A. Tolstoy]. St. Peterburg. Vol. 1. VIII, 538 p. [in Russian]

Windler, 2018 — *Windler, C.* (2018). Missionare in Persien: Kulturelle Diversität und Normenkonkurrenz im globalen Katholizismus (17.–18. Jahrhundert) [Missionaries in Persia. Cultural diversity and cultural competition in global Catholicism (17th–18th centuries)]. Köln; Weimar; Wien. 764 p. [in German]

Yucht, 1979 — *Yucht, A.I.* (1979). Social'naya bor'ba v Astrahanskoi armyanskoj kolonii (seredina XVIII v.). [Social struggle in the Astrakhan Armenian colony (the middle of the 18th century)]. *Vestnik obshchestvennykh nauk*. 6: 69-80. [in Russian]

Zurnachyan, 2014 — *Zurnachyan, A.S.* (2014). Sudebnik astrahanskih armyan 1765 goda kak istochnik mestnogo prava Rossiiskoi imperii XVIII–XIX vv. [Code of Law of Astrakhan Armenians of 1765 as a Source of Local Law of the Russian Empire of the 18th–19th centuries]. *Mestnoe pravo*. 1: 85-96. [in Russian]

Հովհաննիսյան, 2016 — *Հովհաննիսյան, Աշոտ Գարգինի* (2016). Իսրայելի Օրին և հայ ազատագրական գաղափարը. [Johannissyan Hovhannisyan, Ashot Garegini. Israel Ori and the Armenian Liberation Idea]. Երևան [Yerevan]. 760 p. [in Eastern Armenian]

Католические миссионеры, армянские общины и австрийский посол: политико-дипломатическая коммуникация в вероисповедном конфликте на юге России (1755–1760 гг.)

Андрей Сергеевич Ряжев^{а, *}

^а Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вероисповедной политике государства в заключительный период правления Елизаветы Петровны. Впервые в историографии изучена роль Коллегии иностранных дел в урегулировании конфликта между австрийскими миссионерами-капуцинами и армяно-григорианами в городах на юге Российской империи, осложненного вмешательством австрийского посла Н. Эстергази. Исследование базируется на малоизвестных материалах коллежского расследования конфликта. На основе источников в статье осуществлена реконструкция конфликтной ситуации и прослежена политико-дипломатическая коммуникация, в которой Иностранная коллегия явилась организатором и важнейшим актором. Наибольшее внимание уделено характеристике взаимодействия коллегии с другими акторами, выявлены коммуникативные особенности в каждом конкретном случае. Показано включение в инструментарий коммуникации языка и понятий, отражавших тенденцию веротерпимости в российской внутренней политике. В итоге автор констатирует гибкость и вариативность коммуникации, выстроенной дипломатическим ведомством на разных уровнях, отражение в ней этнорелигиозных процессов, свойственных развитию российских окраин раннего Нового времени. Также отмечено освоение российской дипломатией дискурса веротерпимости в преддверии обострения «диссидентского вопроса» в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, Елизавета Петровна, вероисповедная политика, политико-дипломатическая коммуникация, акторы коммуникации, Коллегия иностранных дел, посол Н. Эстергази, миссионеры-капуцины, армяно-григориане.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: riazhev@yandex.ru (А.С. Ряжев)